

Бедная Лиза

Лиза (бедная Лиза) — главная героиня повести, которая произвела полный переворот в общественном сознании XVIII века. Карамзин впервые в истории русской прозы обратился к героине, наделенной подчеркнуто обыденными чертами. Его слова «и крестьянки любить умеют» стали крылатыми.

Бедная крестьянская девушка Лиза рано остается сиротой. Она живет в одной из подмосковных деревень с матерью — «чувствительной, доброй старушкой», от которой Лиза наследует свой главный талант — умение преданно любить. Чтобы содержать себя и мать, Лиза, «не щадя своей нежной молодости», берется за любую работу. Весной она ходит в город продавать цветы. Там, в Москве, Лиза встречает молодого дворянина Эраста. Уставший от ветреной светской жизни, Эраст влюбляется в непосредственную, невинную девушку «любовью брата». Так кажется ему самому. Однако вскоре платоническая любовь переходит в чувственную. Лиза, «совершенно ему отдавшись, им только жила и дышала». Но постепенно Лиза начинает замечать происходящую в Эрасте перемену. Свое охлаждение он объясняет естественной озабоченностью: ему нужно отправляться на войну. Однако в армии он не столько сражается с неприятелем, сколько проигрывается в карты. Чтобы поправить дела, Эраст женится на пожилой богатой вдове. Узнав об этом, Лиза топится в пруду.

Чувствительность — так на языке конца XVIII века определяли главное достоинство повестей Карамзина, подразумевая под этим умение сострадать, обнаруживать в «изгибах сердца» «нежнейшие чувства», а также способность наслаждаться созерцанием собственных эмоций. Чувствительность является и центральной чертой характера Лизы. Она доверяет движениям своего сердца, живет «нежными страстями». В конечном счете именно пылкость и горячность и приводят Лизу к гибели, но нравственно она оправдана. Последовательно проводимая Карамзиным мысль о том, что для душевно богатого, *чувствительного* человека совершать добрые поступки *естественно*, снимает необходимость в нормативной морали.

Мотив совращения чистой и непорочной девушки, в том или ином виде встречающийся во многих произведениях Карамзина, обретает в «Бедной Лизе» подчеркнуто социальное звучание. Карамзин одним из первых вводит в русскую литературу противопоставление города и деревни. В мировой фольклорно-мифологической традиции герои зачастую способны активно действовать только в отведенном им пространстве и совершенно бессильны за его пределами. В согласии с этой традицией в повести Карамзина деревенский человек — человек природы — оказывается беззащитен, попадая в пространство городское, где действуют законы, отличные от законов естества. Недаром мать Лизы говорит ей (тем самым косвенно предсказывая все, что случится потом): «У меня всегда сердце не на своем месте, когда ты ходишь в город; я всегда ставлю свечу перед образом и молю Господа Бога, чтобы он сохранил тебя от всякой беды и напасти».

Не случайно первым шагом на пути к катастрофе становится неискренность Лизы: она впервые «отступает от себя», скрыв, по совету Эраста, их любовь от матери, которой раньше поверяла все свои тайны. Позже именно по отношению к нежно любимой матери Лиза повторит самый дурной поступок Эраста. Он попытается «откупиться» от Лизы и, прогоняя ее, дает ей сто рублей. Но ведь и Лиза сделает то же самое, послав матери вместе с вестью о своей гибели те «десять империалов», что дал ей Эраст. Естественно, эти деньги так же не нужны матери Лизы, как и самой героине: «Лизина мать услышала о страшной смерти дочери своей, и кровь ее от ужаса охладела — глаза навек закрылись».

Трагический итог любви крестьянки и офицера подтверждает правоту матери, предупреждавшей Лизу в самом начале повести: «Ты еще не знаешь, как злые люди могут обидеть бедную девушку». Общее правило оборачивается конкретной ситуацией, на место безличной «бедной девушки» становится сама бедная Лиза, а универсальный сюжет переносится на русскую почву, приобретая при этом особый национальный колорит.

При этом фабула «Бедной Лизы» максимально обобщена и сжата. Возможные линии развития содержатся в зародышевом состоянии, многоточия и тире подчас заменяют собой текст, становятся его «эквивалентом», «значимым минусом». Подобная конспективность отражается и на уровне персонажей. Образ Лизы намечен пунктиром, каждая черта ее характера — тема для рассказа, но еще не сам рассказ. Это не мешает дуэту Лизы и Эраста оставаться сюжетным центром повести, вокруг которого организованы все остальные персонажи.

Для расстановки персонажей в повести существенно и то, что повествователь узнает историю бедной Лизы непосредственно от Эраста и сам нередко приходит грустить на «Лизину могилку». Сосуществование автора и его героя в одном повествовательном пространстве до Карамзина не было знакомо русской литературе. Рассказчик «Бедной Лизы» душевно вовлечен в отношения героев. Уже заглавие повести построено на соединении собственного имени героини с эпитетом, характеризующим сочувственное отношение к ней повествователя, который при этом постоянно повторяет, что не властен изменить ход событий («Ах! Для чего пишу не роман, а печальную быль?»). Своего рода «самодостаточность» героя, его «независимость» от автора во многом определяет специфику бытования образа в тексте, точнее — его выход за рамки текста, осуществляемый по двум основным направлениям. В «Бедной Лизе» топографически конкретное пространство Москвы соединено с условным пространством литературной традиции. В точке пересечения стоит образ Лизы. «Бедная Лиза» воспринимается как рассказ о подлинных событиях. Лиза принадлежит к персонажам с «пропиской», «...все чаще привлекает меня к стенам Си...нова монастыря — воспоминание о плачевной судьбе Лизы, бедной Лизы» — так начинает автор свое повествование. За пропуском в середине слова любой москвич угадывал название Симонова монастыря. (Симонов монастырь, первые постройки которого датируются XIV в., сохранился и поныне; расположен на территории завода «Динамо» по адресу Ленинская слобода, 26.) Пруд, находившийся под стенами монастыря, назывался *Лисиным* прудом, но благодаря повести Карамзина был в народе переименован в *Лизин* и стал местом постоянного паломничества москвичей. Парадоксом является отсутствие противоречия между христианской моралью и невинностью Лизы. Ей «прощен» даже грех самоубийства. В сознании иноков Симонова монастыря, ревностно охранявших память о Лизе, она была прежде всего падшей жертвой. Но по существу, Лиза была «канонизирована» сентиментальной культурой. Таким образом, героиня Карамзина стоит не только на пересечении вымысла и были, но и на пересечении двух религий: христианской и сентиментальной религии чувства.

К месту Лизиной гибели приходили плакать и горевать такие же несчастные влюбленные девушки, какой была сама Лиза. По свидетельствам очевидцев, кора деревьев, растущих вокруг пруда, была безжалостно изрезана кожами «паломников». Надписи, вырезанные на деревьях, были и серьезными («В струях сих бедная скончала Лиза дни; / Коль ты чувствителен, прохожий, воздохни»), и сатирическими, враждебными Карамзину и его героине (особую славу среди таких «березовых эпиграмм» приобрело двустипшие: «Погибла в сих струях Эрастова невеста. / Топитесь, девушки, в пруду довольно места»).

Само имя Елисавета — древнееврейского происхождения (с последующей греко-латинской адаптацией) и переводится как «почитающая Бога». «Мировой» контекст имени Лиза/Елисавета начинается с библейских текстов. Это имя жены первосвященника Аарона (Исх., 6, 23), а также жены священника Захарии и матери Иоанна Крестителя (Лк., 1, 5). В галерее литературных героинь особое место занимает Элоиза, подруга Абельяра.

После нее имя ассоциативно связывается с любовной темой: историю «благородной девицы» Жюли д'Энтаж, полюбившей своего скромного учителя Сен-Пре, Ж.Ж. Руссо называет «Юлия, или Новая Элоиза...» (1761). В Эрмитаже находится знаменитый бюст невинной и наивной «Маленькой Лизы» работы французского скульптора Гудона (1775), который мог также повлиять на образ, создаваемый Карамзиным.

Имя «Лиза» до начала 1780-х почти не встречалось в русской литературе, а если и встречалось, то в своем иноязычном варианте. Выбирая для своей героини это имя, Карамзин шел на ломку достаточно строгого канона, сложившегося в литературе и предопределявшего заранее, какой должна быть Лиза, как она должна себя вести. Этот поведенческий стереотип определялся в европейской литературе XVII–XVIII веков тем, что образ Лизы, Лизетты (Lizette) был связан прежде всего с комедией. Лиза французской комедии обычно служанка-горничная (камеристка), наперсница своей молодой госпожи. Она молода, хороша собой, достаточно легкомысленна и с полуслова понимает все, что связано с любовной интригой, — с «наукой страсти нежной». Наивность, невинность, скромность меньше всего свойственны этому комедийному амплу.

Разбивая ожидания читателя, снимая маску с имени героини, Карамзин тем самым разрушал основы самой культуры классицизма, ослаблял связи между означаемым и означающим, между именем и его носителем в пространстве литературы. При всей условности образа Лизы ее имя связано именно с *характером*, а не с *амплуа* героини. Установление зависимости между «внутренним» характером и «внешним» действием стало существенным завоеванием Карамзина на пути к «психологизму» русской прозы.